

Василий Лазаревич
ЧУЛЬЖАНОВ

Центральной
Библиотеке г. Мыска
от авторов.

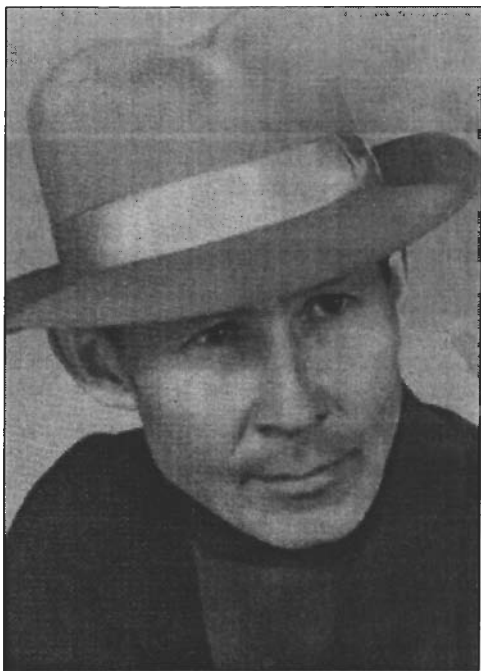
20 февраля 2001г

Э.И.

В. Елесина

Издав книгу о Василии Лазаревиче Чульжанове, авторы надеются, что она ляжет в основу создания фонда и музея его имени в Доме художника Василия Елесина.

Средства от продажи этой книги станут Вашим вкладом в благородное дело по созданию музея замечательного самобытного шорского художника, нашего земляка Чульжанова.

21 ноября 1999 года Василию Лазаревичу Чульжанову исполнилось бы 76 лет. Однако его жизнь прервалась тридцать четыре года назад.

При жизни он и не мечтал о своей персональной выставке. Во-первых, потому что очень скромно оценивал свои работы. Он считал, что у него все впереди. Во-вторых, если бы даже художник и решился на такую выставку, то в те далекие от нас годы в Мысках не нашлось бы помещения, где можно было бы принять такую выставку, разместить все творческое наследие Василия Чульжанова.

Персональная выставка все же состоялась. Она открылась 18 декабря 1999 года в выставочном зале Мысковской картинной галереи. Событие это стало одной из самых ярких страниц в истории и культуре всего юга Кузбасса.

I

Лазарь жених был лихой. В Акколь прибыл из соседнего улуса Балбынь и среди белого дня выкрал невесту. На берегу реки после нее остались два наполненных водой ведра.

В начале двадцатых годов шорцы соблюдали старый обычай. Невест воровали. По согласию невесты, конечно. Затем в процесс подключались родители, родственники. Сельчане гадали, на каком количестве калыма помирится зять с тестем. Вспоминали прошлые байги. В том и другом улусах хвалили молодую пару.

Жених послал тестю хорошее, не ломаное печенье, значит, их дочь оказалась невинной, иначе получил бы одни крошки. Посланники жениха условились с тестем, тещей и родственниками – когда быть настоящей «байге» /мировой/. Условились на этот день. Пили арочку /самогонное слабое вино/.

подавали арочку деревянными чайными чашками. У шорцев существовал обычай не пить сразу вино, а маленькими глоточками, с продолжительными промежутками. Во дворе закололи бычка, приведенного

женихом. В двух котлах начали варить мясо. Молодые ребята устроили бега на лошадях. Первый приз – шкура бычка, второй – головной платок и третий – кусок мяса с костью.

В тот вечер род охотников Чульжановых из Балбыни породнился с родом рыбаков из Акколя Кусургашевых.

Лазарь и Александра Чульжановы стали родителями трех детей – Василия, Антонида и Зои.

Грамоту Лазарь получил у русских политических ссыльных. Ученик оказался на редкость способным к математике. За короткий срок ссыльные обучили Лазаря бухгалтерскому делу. И получился из него хороший специалист. Работал он даже главным бухгалтером в очень солидной конторе Кузедеево.

Лазарь Николаевич умер рано. Старшему сыну – Василию в тот год было только тринадцать лет, младшей Зое – шесть. Перед смертью Лазарь Николаевич наказывал своей жене дать детям образование.

Любовь к математике у детей была от отца. Василий и Зоя закончили физмат Новокузнецкого пединститута, Антонида выучилась на бухгалтера и почти три десятка лет отработала по этой профессии в Мысковском отделе народного образования. Зоя Лазаревна больше тридцати лет преподавала математику в мысковских школах.

Жена Лазаря Александра Дмитриевна выполнила наказ мужа. При этом она была совершенно неграмотной. Хватила же она лиха с тремя детьми! Все хозяйство было на ней. Младшую дочь Зою она четыре года каждый день провожала в школу и встречала, когда она шла обратно. От Акколя до Мысков зимой дорогу никто не чистил, каждое утро после бурной ночи дети пробивались через снежные заносы, чтобы добраться до школы. Никто из детей не пропустил ни одного дня занятий! У каждого из них было велико желание закончить школу. Это стремление и отличало детей Чульжановых от других детей их же улуса.

Последний экзамен Василий Чульжанов сдал за несколько дней до начала войны. Был праздник. Может быть, один из самых счастливых дней в его недолгой жизни. Он мечтал уехать в далекий город на Неве, поступить в Академию художеств. И об этой его мечте знали все его друзья и родственники. И все были уверены в том, что у Василия все получится, и он добьется своей цели.

Война сломала все его планы. Его направили учительствовать в самый отдаленный в районе поселок Ивановку. В те годы это был поселок геологов и золотарей. Но в самом начале сорок второго его призвали в армию, то есть на фронт.

Группу ребят с верховьев Усы до райцентра везли на санях несколько

суток, дороги не было, а где и была, ее перемело так, что и на лошадях пробивались с большим трудом. Будущих воинов разместили на полу военкомата. Военные люди дать весточку о себе родным не разрешили. Сбежать до своих, а за час он обернулся бы туда и обратно – дезертирство! Такие вот были жестокие порядки.

С юргинского полигона удалось Василию сообщить о себе. Там, на известном полигоне, проходил курс молодого бойца. Мать, Александра Дмитриевна, сразу же с двумя дочерьми помчалась в незнакомые ей места. До того она дальше Мысков нигде не была. Города Юрги как такового еще не было. От станции до полигона больше десятка километров по открытому всем ветрам и морозам полю шла женщина с двумя девочками на свидание, а заодно и проститься с сыном. Все в те военные времена было под охраной, из всего делали государственную тайну, но женщине удалось-таки преодолеть все и добраться до того полигона, «где стреляют». Прятаться от военных, от мороза и бурана пришлось в стоге сена. Ближайшее село тоже было за несколько километров. Пришельцев на военный объект тут же обнаружили, выгнали с полигона. «Не положено!» Так и не дали повидаться, попрощаться с сыном. Мать же мысленно благословила его и отправилась в обратный путь в Акколь с великой надеждой, что ее единственный сын обязательно вернется домой живым.

Очень короткие сведения о его участии на фронте говорят о том, что он не любил рассказывать о войне. Найденный в его архиве черновик рассказа поведает читателю эпизод из солдатской жизни уже после войны, да еще и в госпитале. Но мы точно знаем, что после обучения на юргинском полигоне Василий Чульжанов попал под Сталинград. Туда, где решалась судьба всей войны, как назовут позднее военные историки битву на Волге. А дальше великие битвы – под Курском, форсирование Днепра, Ясско-Кишиневская операция. Чульжанов воевал в артиллерии. И можно лишь догадываться о том, сколько пришлось потрудиться старшему сержанту, перетаскивая на себе свое оружие по дорогам войны с одной огневой точки до другой. И сколько было их за три года войны!

Война для него закончилась в солнечной Болгарии, на берегу голубого Дуная. Позднее на родине он будет часто рассказывать своим ученикам в сельских школах района о своих впечатлениях, о пережитом на войне. Но никогда он не скажет о том, что видел много горя, смертей, о том, что сам был несколько раз ранен, контужен. Его бывшие ученики до сих пор вспоминают его рассказы о Болгарии, о Дунае, об оставшихся на долгие годы в памяти фронтовых друзьях-товарищах.

Память о войне в нем жила до последнего его часа не только в сознании, но и в многочисленных рисунках, какие он привез с войны. Это

эпизоды армейских бытовых сцен и наброски портретов фронтовых товарищей. Василий Лазаревич очень свято относился к своим работам и бережно их хранил. Он понимал, что рисунки несовершенно, но для него они не имели цены. Он-то точно знал, чего не хватает в тех рисунках, и только он сам мог дополнить своим воображением, своей памятью то, чего не успел сделать в короткие минуты фронтовых буден, когда наскоро набрасывал рисунок на подвернувшемся клочке бумаги.

- Вернулся Вася с войны в сорок шестом году с голыми коленками, но с этюдником полным красок, и настоящими кистями, и с большой папкой армейских рисунков, - скажет на открытии выставки Чульжанова – его младшая сестра Зоя Лазаревна.

Это набор, в который он, скорее всего, вложил все свое жалование, а, может быть, даже и новое дембельское обмундирование /«вернулся с голыми коленками»/ говорил уже о выбранном пути. Мечту стать художником /или как он говорил тогда самым близким: «Мир ждет моего явления как художника»/ он отложил на несколько лет.

В тот год ему было только двадцать три года.

II

Хозяйство было в упадке. Мать Василия Лазаревича, чтобы прокормить двух дочерей и себя, вынуждена была всю войну водить карбуза и конные обозы до Ивановки. Дом и огород оставался на девчонках. Поизносились за годы лихолетья. Да и у самого Василия, кроме дембельского, не первой носки обмундирования, ничего не было. С надеждой смотрели на Васю мать и две сестры. Тогда-то он и решил: мысль о художественном образовании придется на время оставить. В тот вечер семейного совета не думал, что с этой своей голубой мечтой он распрощался уже навсегда. Да и не до живописи ему было в тот первый послевоенный год.

Ранним утром он отправился на поиски работы. А работа его ждала. В каждой школе большого тогда района было много вакантных мест. Опыт учительства у него был не велик, но эта профессия ему была ближе из всего того, что ему предложили. В тот же год он поступил в Новокузнецкий пединститут на физмат заочного отделения.

На другой день после похода в центр Мысков он уже был на правом берегу Томи, на любимом с детства месте у Шаманова Камня, поднялся выше его и с высоты птичьего полета любовался своей родиной. К тому времени он побывал в далеких от этих мест краях, видел множество

красивых рек, а тут его душа наполнилась такой тихой светлой радостью, такой гордостью за свой край, что он сорвался вдруг с места, на котором только что сидел, раскинул руки, словно хотел объять ими всю панораму долины Томи и запел:

Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех!

Именно здесь несколько лет назад он понял свое предназначение на этой земле. И сейчас юношеская мечта еще больше крепла. Он ничего не будет менять. Он станет художником.

Осуществить мечту ему было чрезвычайно трудно. Он жил за сотни километров от «живого» профессионального художника, за тысячи километров от картинных галерей и музеев изобразительного искусства. Единственным и очень щедрым здесь его учителем была Природа. А он был близок с ней с раннего детства. Она всегда была рядом, протяни руку, сделай шаг и вот она – девственная еще в те годы в этих краях Природа.

В местной библиотеке книг по искусству и о художниках еще не было. А вот в Новокузнецке /тогда еще Сталинске/ ему удалось приобрести книгу известного русского художника Ильи Ефимовича Репина «Далекое близкое», которую он, не замечая того, прочитывает несколько раз подряд. Позднее к нему попадает трехтомник «Всемирной истории искусств» Алпатова. И это гигантское издание Василий не просто прочитывает единым дыханием, а изучает как самый прилежный студент. В то же время он много занимается рисунком с натуры. Рисует буквально все, что попадает ему на глаза. Он еще не владел умением отбора главного, ему тогда казалось, что в природе нет ничего лишнего, все должно быть отражено им, как он видит. И долго раздумывал над фразой, сказанной своим знаменитым в будущем ученикам художникам известным педагогом Российской Академии художеств Чистяковым: «Натура - дура, а художник - молодец». А когда к нему приходит понимание сказанного великим Учителем, он осознает, как далеко ему еще до того художника, каким он стремился стать. От умения рисовать до искусства не один шаг. Научить рисовать можно и медведя, а вот художником он не станет. Что же это такое – Художник?

Василий Чульжанов покупает фотоаппарат и серьезно увлекается фотографией. С начала он снимает своих родственников, знакомых и товарищей по работе, потом все чаще стал брать фотоаппарат с собой на охоту и рыбалку. Снимал природу. Через видоискатель учился строить композицию кадра. За один выход в тайгу или на реку, случалось, снимал по несколько пленок. Вечерами их проявлял, а ночами печатал фотографии. Фотографии дарил друзьям и просто знакомым.

Очень сложно было в те годы в Мысках сделать фотографию хорошего качества. Для этого, прежде всего, необходима проточная вода, лаборатория, качественные химикаты и фотобумага. Ничего этого у Василия тогда не было. Пользовался он тем, что покупал в магазине, а лабораторией ему служила тесная кухня.

В это же время он узнал о существовании журнала «Советское фото». Выписал. Стал читать советы начинающим. Достал химикаты и стал разводить проявители, какие ему были необходимы в том или ином случае. И тут же его фотографии стали заметно улучшаться. В том же журнале узнал он о том, как самому сделать фоторужье. Сделал. Стал снимать издалека птиц, увлекся фотоохотой. Все у него получалось, до всего он быстро доходил.

В эти же годы он увлекся музыкой. С помощью самоучителя выучил ноты и освоил игру на мандолине. Музыку он любил и понимал. Пел сам. Не только русские народные песни, но и часто исполнял шорские песни. Писал стихи и сочинял песни на шорском языке. Любил их исполнять на лодке, когда плывал по Томи или Мрассу. Больше любил петь в одиночестве.

Но увлечение струнным инструментом у него перешло на... скрипку! И этот инструмент освоил быстро, и стал исполнять серьезные, классические произведения. Любимыми же у него были «Грезы» Шумана и «Прощание с Родиной» Огинского.

С детства он любил охоту. Напомню, родом он был из рода охотников. Но он любил и рыбалку. И редко когда возвращался с берега реки без хорошей добычи. Местные и заезжие рыбаки считали его и в охоте, и рыбалке самым большим авторитетом.

В конце сороковых, когда он возвращался уставшим и счастливым от свидания с Природой к своей семье /дома его уже ждали две дочери – Вера и Надежда, жена Татьяна Григорьевна/, ночами он садился за стол и записывал свои впечатления на бумаге. И это увлечение к нему пришло, как он сам считал, от его безграничной любви в Природе. От великого желания высказать свои чувства, свои переживания. Он успокаивался лишь тогда, когда в общей тетради появлялась запись после очередного похода в тайгу или на реку. И эти записи могли бы составить хорошую книгу. Дополняли бы его зарисовки о природе удачные снимки, рисунки, живопись. Но Василий Чульжанов, конечно же, не думал о книге. Он просто жил и делал только то, что ему очень хотелось делать.

Мир его увлечений был, как сейчас кажется, не под силу одному человеку. Надо помнить еще и о том, что он учился заочно в институте, работал учителем, а несколько лет и директором школы в Сыркашах, был большим общественником. Председатель общества охотников и рыболовов

района, боролся с браконьерами. В школе он создал учительскую волейбольную команду, и эта команда успешно из года в год выступала на районных соревнованиях и спартакиадах.

- Он был учителем от Бога, - вспоминает ученик Василия Лазаревича Чульжанова Владимир Петрович Кызласов. – Я до сих пор вспоминаю его уроки. Я благодарен ему за то, что именно он открыл для меня уникальный по своей природе наш край, научил меня любить природу и бережно к ней относиться.

- Я была его ученицей, а позднее его коллегой. Это был удивительно цельный человек. У него всегда была светлая цель, и, казалось, что он ежедневно и ежечасно к ней стремился. Своими идеями он заражал всех учеников и учителей, - рассказывала на открытии выставки Чульжанова Нина Владимировна Тотышева, ветеран народного образования Мысков.

Все в его жизни состоялось, как он считал. Любимая жена, желанные дочери-погодки Вера и Надежда, работа, увлечения, окружающий его мир. Каждый день он спешил делать как можно больше добрых дел. И у него все получалось. В доме Чульжанова были постоянно люди. К нему тянулись, как к светлому маяку, и он для каждого находил время.

Однажды на охоте он почувствовал усталость. Маршруты его походов с ружьем и фоторужьем стали с каждым днем сокращаться из-за его недомогания. Может, он перегружает себя, мало отдыхает? Задавал он себе и вопросы, касающиеся его ранений и контузии. И чаще всего свой недуг списывал именно на эти обстоятельства – ранения и контузию.

Он стал догадываться о своем заболевании, но не мог с этой страшной мыслью смириться. Однако состояние его ухудшалось. Тогда-то он решил показать себя врачам. Поехал в Новокузнецк и там за несколько дней прошел авторитетную комиссию. И что же? Комиссия сказала то, что обязана была сказать по результатам своих исследований. Он ждал. Надеялся. Но чуда не произошло. Туберкулез! Он был потрясен этим диагнозом.

Что же, конец мечте? Как теперь жить? Бороться! Всеми возможными средствами бороться за жизнь. Судьба подарит ему еще тринадцать лет жизни. Тогда он об этом еще не знал. Ему всегда казалось, что развязка наступит только тогда, когда он успеет сделать на земле все то, что он обязан был сделать. Не раньше. И еще больше стал трудиться.

Состояние здоровья все ухудшалось. После очередной комиссии ему сказали еще одну неприятную весть. Он должен оставить работу в школе. С открытым туберкулезом работать с детьми нельзя... Еще один удар. К этому он вовсе не был готов. Как же теперь-то жить? Инвалидность? Созерцание жизни с берега реки?

III

Мог ли такой увлеченный человек, влюбленный в жизнь остаться без дела? Работу ему нашли в вечерней школе. Многие его выпускники получили высшее образование. Ему интересно было работать с молодежью. Он помогал ей наверстать упущенное, открывал в, казалось бы, самом «неперспективном» ученике тягу к знаниям, совершенствованию самого себя. И сегодня многие ученики той взрослой школы вспоминают своего учителя с благодарностью за то, что именно он увлек их в прекрасный мир знаний, помог в выборе жизненного пути.

А сам Учитель писал одну картину за другой. Он любил дарить свои работы своим друзьям и просто знакомым, кому его работы нравились. На его мольберте всегда стоял подрамник с натянутым холстом.

Трудно и долго писал он свои «Березы». Самым близким он говорил, что эта картина станет главной в его творчестве. И, возможно, последней. В том, что этот большой по размерам пейзаж стал, действительно, последней его живописной работой такого размера, он оказался прав. Но именно после «Берез» он почувствовал в себе как бы второе дыхание. И самая значительная часть его творческого наследия была создана именно после завершения этого пейзажа.

Он уже несколько лет выписывал журнал «Творчество». В этом журнале публиковались советы начинающим и самодеятельным художникам. Именно из этого журнала Василий Лазаревич познал тонкости технологии живописи, приготовления грунта. В его записях и сегодня можно встретить несколько рецептов, причем очень сложных в изготовлении, грунтовых материалов.

В этом же журнале он познакомился с основами искусства линогравюры. Как долго они шли навстречу друг другу! Сам изготовил необходимые резцы, нашел кусок линолеума. Естественно, не того, на котором работали художники-профессионалы, а обычного, какой шел и до сих пор идет на покрытие полов. Сделал первые пробы в домашних условиях, не имея специального станка для печати и специальной – эстампной – бумаги, сделал первый оттиск, долго и внимательно стал рассматривать то, что вышло из-под его резца и... счастливо разулыбался. Вот это то, что ему надо!

У любого художника есть свой любимый жанр, своя манера исполнения, свой вид изобразительного искусства. Кому-то ближе живопись, кому-то графика, кому-то скульптура, керамика, мозаика и т.д. Иногда художник бьется много лет в поисках того, где бы он смог проявить

себя с большой отдачей, в чем смог бы добиться того самого успеха, к которому стремятся все. Василий Лазаревич знал и чувствовал, что графика ему ближе. Он много лет уже рисовал пером и тушью. И эта техника ему была близка, любима. И сегодня мы можем наблюдать это по его многочисленным рисункам пером. Вот на одном листе бумаги несколько рисунков, сюжетов. Ранняя весна! Видимо, художник только что вернулся с удачной охоты. В верхнем левом углу на столе лежит еще «теплый» селезень, справа легкий, весенний пейзаж с водой, над ним сюжет из охоты. По рисункам видно, что у художника было очень хорошее настроение, навеянное весной, пробуждением природы, прилетом птиц в его родные края. Все рисунки сделаны тонко, мастерски. А брачный бой быков-маралов! Это как надо было знать анатомию животных, не говоря уже о вечных их инстинктах, чтобы показать с помощью пера и туши столь драматический эпизод битвы за лидерство, за продолжение жизни!

В этой очень сложной по исполнению технике каким же скрупулезно точным надо быть, чтобы даже единственным штрихом, одним росчерком не загубить рисунок! Ведь тушь резинкой не сотрешь, тонким лезвием не соскоблишь. Такие рисунки – подарок самого Господа Бога – делались мгновенно, на едином, как говорят художники, дыхании. Но каким же надо было обладать мастерством, чтобы сделать свою миниатюру вот на таком высоком по исполнению уровне! Сколько надо было поработать карандашом, чтобы потом взять перо и тушь! Какую крепкую надо было иметь руку, чтобы ни в чем не ошибиться!

Таких рисунков Василий Лазаревич оставил нам несколько десятков. А тут еще линогравюры. И по тому, что художник оставил нам, можно судить, на какой уровень исполнения этих линогравюр он вышел.

Кстати! В конце только своей жизни удалось Василию Лазаревичу выйти на контакт с профессиональным художником и то заочно. В Кемерово при Доме народного творчества в конце пятидесятых, начале шестидесятых годов работал художником-консультантом профессиональный график Анатолий Гетманский. Я был хорошо знаком с ним в период его жительства в областном центре, вхож в его творческую мастерскую. Гетманский закончил среднюю художественную школу при Академии художеств и художественное училище в Ленинграде. Очень талантливый график, но замкнутый в себе, очень интеллигентный молодой тогда еще человек. Несколько лет трудился он над большой серией о Ленине. Жил чрезвычайно скромно, можно сказать, бедно, с женой и дочкой в крохотной комнатухе в общежитии для учителей. С официальным Союзом художников на контакт он не выходил, не стремился искать там понимание, друзей или единомышленников. Он знал себе цену, знал, кто там, в Союзе художников.

На хлеб зарабатывал как раз в Доме народного творчества консультациями. И вот через множество лет я читаю письма своего товарища моей юности Анатолия Гетманского в Акколь Василию Лазаревичу Чульжанову. Вот так порой скрещиваются судьбы!

«...Мне очень нравятся Ваши графические работы: тушь, перо и гравюры на линолеуме...»

«...Благодаря этому Ваша линогравюра приобрела значение настоящего художественного произведения. Я ее хочу оставить в худ. Фонде Дома нар. творчества как образец... Линогравюра хороша по композиции и напряжению, какое передано в ней. Гравюра, благодаря строгости и определенности деталей выглядит хорошо».

«...Рекомендую заниматься гравюрой /т.к. это действительно Ваше призвание/, рисунком и акварелью – лучше то, что дорого Вам».

«...Прежде всего о гравюрах: Очень хорошо! Здорово!

Иллюстрация к сказке С. Тотьша «Добрый медведь».

Гравюра очень хороша, может поспорить со многими профессиональными гравюрами... Особенно хорошо получилось выражение голов медведя и быка... Самое хорошее в этой гравюре – ощущение живого. Можно еще больше стилизовать и обобщать. Гравюра это вполне терпит...»

«...Живая линия! Живое чувство у Вас есть в гравюрах – берегите его!!!»

Эта последняя фраза выведена, взята в рамку.

«...Как видите, определенных рецептов дать нельзя. Искусству не научишься как игре на балалайке по самоучителю. Надо для этого иметь чуткую душу. У Вас наверняка она есть. Но цветом Вы пока не работайте /прошу, не портьте себя, с цветом у Вас явные нелады/. Ваши вопросы вполне разумны и уместны. Они возникают у всех художников и во все времена.

Судья – природа и время.

А. Гетманский».

Всего несколько писем. Но сколько доброты, непредвзятости или чванства. Само сочувствие, понимание, сочувствие к глубоко больному человеку, о котором, наверняка, молодой художник не мог знать. Я думаю, что эти письма должны были вдохновить Василия Лазаревича. Я убежден почему-то еще и в том, что Чульжанов хорошо знал цену своим работам. Иначе не рос бы он дальше в своем мастерстве. Потратил бы на поиски себя еще несколько лет, но так и не пришел бы к тому, к чему стремился.

Переписка с Гетманским прекратилась, как я сейчас полагаю, возможно, в связи с тем, что консультант вывез в Ленинград /не показав, кстати, в Кемерово/ всю серию своей ленинианы, и там работа художника

была оценена очень высоко. Серия его гравюр попала тут же на Всесоюзную выставку, широко печаталась, вышла даже отдельным альбомом, а сам художник остался в родном ему Ленинграде, закончил Академию художеств, аспирантуру и много лет преподавал в своей альма-матер, долгие годы являясь ведущим руководителем мастерской графики.

Есть в архиве Василия Лазаревича Чульжанова и другие отзывы о его работах, которые он еще продолжал посылать в Дом народного творчества. В том числе и двух членов Союза художников, в ту пору купающихся в короткой вспышке своей славы. Я знаю, с каким недоверием, предвзятостью в те годы относились профессионалы к самодеятельным художникам, а тем более из далекой и глухой провинции. Поэтому мне не хочется здесь называть имена ставшими известными художников Кузбасса, по молодости лет которых слишком бегло высказали свое мнение о живописных работах Чульжанова. Бог им судья, как говорят. А время показало: многое из творческого наследия Василия Лазаревича могло бы быть представлено в начале шестидесятых годов на областных выставках профессиональных художников Кузбасса и были бы замечены зрителями. Утверждаю это сегодня потому, что в те годы мне посчастливилось писать рецензии в областных газетах на все выставки, какие проходили в области.

Кстати, именно в те годы областные газеты «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс» с удовольствием печатали на своих страницах гравюры Василия Лазаревича без всякой скидки на его провинциальное место жительства. Попробуйте отыскать в подшивках этих газет тех лет публикации художников-профессионалов! Были, но разве лишь с моими публикациями об этих художниках.

Мало того. В шестьдесят четвертом году обе вышеназванных газеты опубликовали очерки! О художнике из Акколя с иллюстрациями. Один очерк – «У художника есть кисть!» – в «Комсомольце Кузбасса», написанный очень крепким тогда журналистом, будущим в те годы редактором этой газеты Рудольфом Теплицким. А я хорошо знаю, что только по причине сильного впечатления от присланных в редакцию гравюр Чульжановым сорвался и помчал этот журналист в дальнюю командировку в Акколь. Теплицкий обладал редким чувством на талантливых людей. Проживи Василий Лазаревич еще хотя бы десяток лет, усилиями Теплицкого его выставка могла бы состояться при его жизни в областном центре и даже в Москве. Как это произошло позднее с другим, не признанным официальной художественной властью, кстати, тоже графиком – Германом Захаровым.

«Августовские облака» – очень большой по размеру очерк Виктора Малышева, друга Василия Чульжанова, был опубликован в газете «Кузбасс»

в декабре того же шестьдесят четвертого года. В те времена, поверьте мне, областная партийная газета для самодеятельного художника не представила бы столько места! И здесь две линогравюры – «Пережат» и «Кедр» Названия, конечно, не удачные. Я бы назвал эти работы – «Борьба за жизнь» и «Хомутовские пороги». Было бы правильно и адресно.

Та и другая газеты до тех публикаций и после печатали гравюры, рисунки и литературные опыты Василия Лазаревича. Помимо признания его в Союзе художников его, им на зависть, публиковали областные газеты без всяких проблем, всегда приветствовали присланные им новые работы, и всегда они одобрялись читателями.

Труден путь художника к официальному признанию. Мы знаем много примеров даже из нашей новейшей истории, когда признание приходит после ухода художника из жизни. Случается, что и после ухода имя творца остается утраченным навсегда. Что поделаешь, мы такие. Чаще всего мы осознаем об утраченном, когда теряем навсегда.

Счастлив художник Чульжанов. Его работы дожили до наших дней, они хорошо сохранились и предстали перед нами, обрели новую и очень, смею заверить, долгую жизнь среди благодарных потомков.

IV

Рисунки, а чуть позднее и свои литературные опыты Чульжанов приносил в Мысковскую газету «Путь к победе». В сороковые, пятидесятые годы эта газета была единственной на обширном тогда пространстве района. Отказов в публикации никогда не было. Более того. Василий Лазаревич стал доброй находкой для газеты. Он мог все. Рисовал, оформлял праздничные номера газеты, писал статьи о природе, с рейдов по борьбе с браконьерами привозил гневные статьи, в которых называл самых именитых нарушителей закона. К своим материалам он делал и иллюстрации. Публикации эти всегда украшали газету, пользовались большим успехом у читателей. О нем знал весь район. Появление в газете его рисунков, статей и зарисовок, а позднее и рассказов читатели ждали. До прихода работать в газету он был по сути уже состоявшимся профессиональным журналистом.

Работать в газету его пригласили, когда он по состоянию здоровья вынужден был оставить школу уже навсегда. Начал рядовым литературным сотрудником, но в редакции очень быстро поняли, что Василий Лазаревич потянет и более сложную и ответственную работу. А он и сам любил, когда на его «воз» накладывали все больше и больше. Перевели заведующим

отделом писем, культуры и быта. Темы, которыми занимался этот отдел, хорошо были знакомы Чульжанову, близки, и он за короткое время освоил и потянул новую для себя ношу. Было такое впечатление, словно Василий Лазаревич всегда только в газете и работал. К нему шли люди, он обо всех беспокоился, помогал. На планерках в редакции его материалы часто называли лучшими материалами недели, месяца, а то и года. В газете он оказался своим.

Общая тетрадь с коричневой, мягкой обложкой. Пожелтевшие от времени листы сохранили четкий почерк чернилами. На титульной странице: «Чульжанов В.Л. Четыре времени года». Здесь первые литературные опыты Василия Лазаревича. 1955 год. Первая запись от 7 сентября. Это дневник. Автор предполагал делать записи своих впечатлений, а поскольку обозначил будущие записи временами года, то мы вправе ожидать от предстоящего чтения коротких, скупых даже записей открытия того душевного мира, которым в тот или иной день жил художник.

«Сегодня утром упал первый иней. Внизу, в долине реки, туман. На улице холодно. Надо пойти на ночную рыбалку с наплавной сетью».

«21 сентября /среда/. В прошлое воскресенье днем рыбачили: я, Ив. Як. и Ефим. Улов был неважный, но я надеялся на ночную ловлю с наплавной сетью. Товарищи мои ушли домой в Мыски, а я остался».

К вечеру, накопив червей, забросил пять закидушек. Надеялся поймать налимов, т.к. вода в эти дни стоит как в весеннее половодье и заметно похолодало. Ночью с мамой отправились ловить наплавной сетью. Поднялись вверх по реке около полкилометра и стали спускаться вниз. Улов был небольшим, только в конце заплыва нам повезло – поймали небольшого тайменя.

Утром я пошел осматривать свои закидушки, и здесь меня ожидала большая радость, понятная только рыбаку. На одном перемете «сидел» трехкилограммовый таймень... Еще когда я нащупывал третий перемет, он выскочил из воды свечой вверх. Один раз, второй, третий...»

Возможно, это первые записи вообще. И тем похвальнее для автора. Очень четко, емко, образно, осязаемо, эмоционально. Ни одного лишнего слова!

А ведь он не готовился в литераторы. Наверное, и не мечтал. Появилась же потребность писать. И это не случайно. Это уже зов души. Отказать себе он не мог. Пошел на этот зов.

Еще одна запись. Скорее всего она была сделана через несколько дней после предыдущей. К тому же нет в этой записи и начала:

«...Я конечно забыл все на свете и быстро, несмотря на то, что на ногах у меня были тяжеленные болотные сапоги, помчал к счастливому перемету».

Шнур был оттянут к берегу. Я вошел в воду на сколько позволяли это сделать мои сапоги и вот тут почувствовал, как в мутной воде что-то сильное и упругое стало сопротивляться мне. Через мгновение увидел тайменя. Он взмывал вверх, сильно бил хвостом о воду, бросался то к берегу, то вглубь. Я тут же ослаблял шнур перемета, чтобы таймень не порвал поводок. Улучив момент, я схватил рыбину в охапку правой рукой, а левой быстро сдавил ему голову, засунув руку глубоко в жабры...

Так я и вытащил его на берег. Можно этот день назвать счастливым днем. Кроме тайменя я поймал на закидушки четырех налимов и двух окуньков, но эта добыча, конечно же, померкла перед той, о которой я рассказал выше.

В эти дни стоит дождливая погода. Дождь льет уже две недели. Вода большая».

«Нужна мне еще одна лодочка небольшого размера, чтобы ее можно было перетаскивать из одного озера в другое. Ведь на озерах у нас почему-то никто не рыбачит...»

На следующей странице очень четкий чертеж небольшой лодки, несколько вариантов решения носовой части ее.

«23 марта 1956 г. Весна! Весна! На улице море солнечного света. Глазам больно смотреть на снег. Небо чистое и бездонное. На фоне неба верхушки осин и берез как будто растаяли...»

Воздух еще холодный, но солнышко греет вовсю. Настоящая весна света. Свет кажется исходит от всего: домов, деревьев, крыш. Все стремится как можно больше отразить света. Нате, люди, радуйтесь! Может быть, сегодня как раз тот самый первый день весны?

Сегодня же видел, как воробей выкупался в небольшой еще луже около дома. Как он радовался свету, солнцу и воде! Лужа голубая, и мне показалось, что воробей купается в кусочках голубого неба...»

«12 апреля 1956 г. Прилетели трясогузки! Значит скоро ледоход. Шорцы говорят: Трясогузка прилетела, свою лодочку с собой принесла – скоро лед ломает».

«27 мая. С поля шел пешком и долго отдыхал на берегу милой Тетензы.

Вспугнул вальдшнепа. Он сидел в кочках и взлетел только тогда, когда я чуть не наступил на него. Я даже испугался от неожиданности. «Наверное, где-то здесь гнездо, » – подумал я и стал разглядывать кучки. Так оно и оказалось. Между двумя кочками, тщательно замаскированное травой, гнездо совершенно недоступно было глазу. В гнезде лежало четыре яйца с коричневыми пятнышками. Яйца были теплые. И я тут же поспешил уйти от гнезда как можно дальше. Издали уже видел, как птица нырнула к своему гнездовью...»

«...Отцвел кандык. При виде шишечек кандыка мне всегда вспоминается далекое уже мое детство, когда в это время во всех шорских селениях женщины и девушки выходили на копку кандыка. Иногда уходили за несколько километров в горы – там кандык всегда был крупнее.

Сейчас никто этим не занимается. Едва ли можно найти у кого ОЗУП – инструмент для копки кандыка.

Времена меняются, меняются и люди, обычаи, интересы. Люди стали жить лучше, культурнее, чем в пору моего детства. Это приятно сознавать».

Здесь же рецепты грунтовки холста. «Грунт клеевой эмульсионный. Клеевой эмульсионный с яйцом. Казеиновый».

Перерыв в записях почти год. Возможно, Василий Лазаревич писал в других тетрадях. Не мог он уже не писать. Записи хотя и очень короткие, но делались регулярно, не каждый день, конечно.

«4 мая 1957 г. У Джульбы родились щенята. Шесть штук!»

Песня «Журавли» «Здесь под небом чужим / Я как гость нежеланный / Слышу крик журавлей / Улетающих вдаль...»

1958 год. «19 февраля. Сегодня проводил Анисимовича. Он уезжает. Приходил проститься со мной. Выпили с ним бутылочку портвейна. Мне было грустно с ним расставаться. За год знакомства с ним мы крепко подружились. Он мне нравится своей честностью, простотой характера. Прощай Анисимыч! Хороший товарищ, охотник, друг. Может быть когда-нибудь сойдутся наши тропы...»

Зарисовка о плесе. Возможно это первая зарисовка о природе. Далее они следуют чаще. Появляются и наброски рассказов. Начало литературным увлечением? Или оно было раньше?

«Плесо зеркально отражает горы с их пестро окрашенными склонами, что даже жалко нарушать это первозданное великолепие, жалко резать эту красоту носом лодки, как будто разрушаешь прекрасное творение самой природы.

Вода как будто и не течет, я стоит тихая, задумчивая, как будто грустит об уходящем лете... но лодка нарушает тишину, режет носом зеркальную поверхность, будоражит ее. За кормой остается бурлящий след. Отражение гор, деревьев теряют свои очертания, покорно распадаются, рассыпаются на тонкие осколки, цветные лоскутки. А впереди река покорно несет навстречу лодки свою зеркальную гладь с новыми прекрасными изображениями. Здесь, на плесе, река тиха и покорна. Течение ее остановилось как будто только для того, чтобы вобрать в себя всю красоту прибрежных гор».

Вот такая картинка. Написана под впечатлением. Наверняка уже дома за письменным столом по памяти...

«15 мая 1962 г. Поднялся в пять утра и сразу же пошел к реке. Утро

чудесное. Описывать не берусь... не смогу... Тишина и покой. И над всем этим восходило солнце. Чудесно! Одно мгновение, ради которого стоит жить».

Еще одна тетрадь. Здесь дневниковые записи чередуются с зарисовками, сюжетами для рассказов. Все записи относятся к 1964 году...

«15 апреля. Апрель «гудит». То навалит снега, как в феврале, то стоят морозы, как в декабре. За последние дни стояла ясная солнечная погода, но температура выше 6 градусов не поднималась. Таяло только на солнцепеке. Скворцы прилетели. Говорят, прилетели и трясогузки, но о ледоходе говорить преждевременно. Ночами здорово «держит». Синиц уже несколько дней не видно. Очевидно, убралась в лес. Кормушка моя сиротливо пустует. Не слышно по утрам знакомого «тук, тук». Все же я помог немного пичугам в борьбе за выживание зимой – и то ладно. А теперь, летите, в добрый час!»

«21 апреля. Акколь. Пришел в Акколь, чтобы посмотреть чистую весну. В городе она грязная. И снег, и ручьи, и лужи черные от сажи. Идти было трудно. По дороге часто отдыхал. Для этого брал с собой складной стульчик. Настоящую весну увидел, как только перешел ж/д полотно. У сосен сидел дольше обычного. Здесь такой простор! Летало множество птичек, рассмотреть не удалось.

Очень обрадовался, увидев вдруг двух летящих журавлей. Я даже немного растерялся, совершенно не ожидал их увидеть. Не успел даже развернуть свою тяжелую оптику. Журавли улетели к болоту.

В Акколе настоящее царство скворцов. Воздух наполнен их пением: «Тии-ну-у-у».

Вечером вороны гоняли ястреба. Начала одна ворона, а потом их налетело еще трое. Ястреб еле «унес ноги». Вот сколько интересного за один неполный день».

«22 апреля. Утро ясное, солнечное. Сходил до берега. Ходить трудно, одышка. Вечером сидел на сарае и слушал, как скворцы передразнивали домашнего селезня. А чуть позже слышу: «Подь-полоть, подь-полоть...» Перепел! Я даже встал на ноги. Откуда в это время взялся перепел? Но, конечно же, это был скворец. Помолчав немного, он несколько раз пощелкал, а потом два раза курлыкнул по-журавлиному... вот артист!»

«...Еще осенью старик Пакид говорил, что ледоход пройдет нормально, т.к. река стала при низком уровне воды. Лед «тошак» /по-шорски – кускунда/ далеко от обрывов. Старик нынешней зимой умер в возрасте 94 лет, а слова, им сказанные, оказались верными. Его прогнозам все верили...»

«...На устье курьи сидело трое крохалей. Они не улетели, а только перестали нырять. Я чуть не ревел от того, что не взял с собой фоторужье... Я же знал, когда оставил его дома, что обязательно пожалею и вот... Между

тем крохали преспокойно плавали в пятидесяти метрах от меня. словно дразня меня за мое разгильдяйство. Два селезня и одна самка бдительно следили за мной, и стоило мне достать из чехла удилище, как они тут же поднялись на крыло, взлетели и низко над водой пронеслись вверх по реке.

Жаль, ох как жаль, что я не взял фоторужье!»

Из зарисовки «Летний вечер в Акколе».

«Смеркается. Где-то далеко в лугах тянет дергач. Вот уж совсем не музыкальная птица, а невозможно представить лето без его песни: «крак-крак, крик-крик» – доносится из кустов, словно кто-то отдирает старые доски. Одним словом, метко его назвал народ – дергач.

Сумерки становятся гуще. В поселке еще не спят. Кто-то отбивает на бабке косу: «так-так, так, так». Молодежь играет в волейбол, пока мяч видно. Тугие удары звучат глухо – «бух-бух», молоток по бабке вторит им: «так-так», где-то лениво лает собака, а рядом на лугах звенит: «подь-полоть, подь-полоть».

Я слушаю всю эту вечернюю симфонию, мысленно повторяя звуки молотка по звонкому железу, то перепела, зовущего кого-то пойти полоть. Улыбаясь во сне или наяву и все же засыпаю. А перепел не знает, что я уснул и все посылает: «Подь-полоть! Подь-полоть!» И так всю ночь».

Далее опять следуют одна за другой зарисовки, сделанные в Акколе. В тот шестьдесят четвертый год Василий Лазаревич почти все лето прожил в своей «хижине», как он называл летний домик, который был сооружен на огороде специально для него. В домике помещалась раскладушка и небольшой столик, на котором он больше писал свои рассказы, делал записи в дневниках, а на подоконнике оконца у него всегда лежал объектив фоторужья. В любое время он мог снимать, не выходя из своего домика. По этому поводу есть в дневнике и такая запись:

«...Сидя в хижине, вдруг услышал крики незнакомых мне птиц. Было похоже, что кричат кулички, но гораздо громче их. Выглянув в окно, увидел хрупких птиц, кружащих над покосами. Вскоре они приземлились. С волнением взял фоторужье и отправился туда. Птиц было более десятка. Крупных, длинноногих, длинноносых с загнутыми вниз клювами. Я знал точно, что такие птицы у нас не водились раньше. Метров с восьмидесяти сделал несколько снимков. Потом стал подходить ближе, не забывая щелкать «ружьем». Но ближе чем на шестьдесят метров птицы меня не подпустили. На своих длинных ногах они передвигались по кошенине, успевая при этом что-то там брать своими кривыми клювами. Я же напоминал пастуха, идущего за своим стадом. Доволен, что удалось-таки сделать несколько, на мой взгляд, удачных кадров».

Под этой записью Василий Лазаревич нарисовал ручкой двух

причудливых и незнакомых ему птиц с длинными ногами и кривыми клювами. По памяти, тут же.

Последняя запись. Если ее привести здесь полностью, то читатель почувствует утонченные чувства художника и писателя. Не запись, а крик души...

«...Вечером был на берегу. Сюда я прихожу каждый день и не перестаю удивляться красотами родной мне природы...

Было так ясно в вечернем воздухе, так чисто, что стали отчетливо видны дальние гольцы. Может быть это был могучий Тохпан, а может быть, знаменитый Тэгри-Тижи /по-шорски Небесный Зуб/, трудно сказать. Но отсюда они были видны отчетливо. Их контуры очень резко выделялись на фоне восточного неба. А сами горы казались воздушно-голубыми и как будто они принадлежали не земле, а чему-то небесному. Может быть, наши предки вот в такой же тихий августовский вечер, увидев их издали, и дали им такое поэтическое название – Тэгри-Тижи?»

«...Я иду по скошенному лугу. Справа низкое солнце. Под его лучами луг стал золотым. Ветла на берегу озера выступают рельефно, как на холсте великого мастера.

Рядом со мной, лежа на земле шагает тощий, длинноногий верзила ростом более десяти метров. Несмотря на то, что ноги у него пятиметровые, он меряет пространство точно моими шагами. Это моя тень. Но она не черная, а темно-зеленая...

На проводах сидят лесные коньки, наверное, они прилетели сюда проводить солнце и забрались повыше, чтобы хорошо рассмотреть, куда это солнышко прячется. Я бы тоже забрался на высокую гору, но не могу...»

Все. Далее в тетради следуют аккуратно начертанные графики температуры. Над первым графиком слабой рукой Василия Лазаревича выведено: «23 августа заболел... повышенная температура.» Последний из заполненных графиков температуры значится 22 января 1965 года, но и он отмечен в 22 часа. Приготовленные графики на 23 и 24 января отмечены лишь температура около восьми утра – 35,9...

В последней же записи он мечтал... подняться на высокую гору...

V

Напротив Балбэни, через плесо, на правом берегу Томи из огромных скал начинается свой рост сопка. Здесь, в скалах, когда-то образовалась пещера. То место шорцы с далеких времен называли Шаманьим Камнем. Впервые Вася Чульжанов попал сюда в детстве. Разные

легенды слышал он о том месте. Они-то и манили его к тем скалам.

Летним тихим вечером все звуки хорошо слышны на большом расстоянии. Напротив Шаманьего Камня, через реку – небольшая деревенька. Все звуки ее доходят до скал, отражаются, и создается впечатление, что все эти звуки исходят не с противоположного берега, из деревни, а идут из скал. Звуки, претерпевшие изменения на своем пути и после отражения, удивительно преобразуются и создают иллюзию вземных звуков. В далекие времена шорские шаманы это явление природы использовали в своих целях. Да и они по своей неграмотности не могли объяснить это странное, по их понятию, явление. Оттого пошла легенда. Когда-то злые духи за какие-то провинности упрятали, мол, всю деревню вместе со всей живностью – собаками, лошадьми, коровами – в эту самую пещеру, а проход к выходу завалили неподъемными скалами. С тех пор и страдают там люди. Не верите, поехали к тому камню, послушайте сами. Охотников проверить байку шаманов не находилось, люди были запуганы. Люди верили шаманам и скалам, их можно было привезти разве что насильно.

А Вася Чульжанов, услышав эту легенду, решил полюбопытствовать, проверить, соответствует ли легенда бытию. Однажды вечером он оказался у той пещеры и внимательно все изучил, но объяснить, почему звуки из левобережной деревни повторяются, исходят как бы из пещеры, но в другом, совсем не в реальном виде, еще не мог. О своем открытии он на другой же день поведал учителю, которого очень уважал, и вызвался проводить его до того «страшного» места. Поход готовился в тайне. Шорцы запрещали своим землякам даже приближаться к скале, боясь накликать беду.

Учитель доступно и подробно рассказал Васе и его друзьям об этом чуде природы. И всем сразу стали понятны секреты древних шаманов.

О том походе тут же узнали в Балбыни, Акколе и других близких поселениях. Старые люди долго не могли согласиться с доводами учителя, а Васе дослалось дома от отца за то, что он нарушил священный наказ не беспокоить Шаманий Камень.

С тех пор в летнюю пору Василий Чульжанов любил бывать у тех скал, слушать пещеру. Бывал там один и возил на лодке своих друзей. Послушайте, дорогие мои, сам голос природы! Его гости дивились чуду. Скалы остались любимым местом Василия Лазаревича на всю его короткую жизнь.

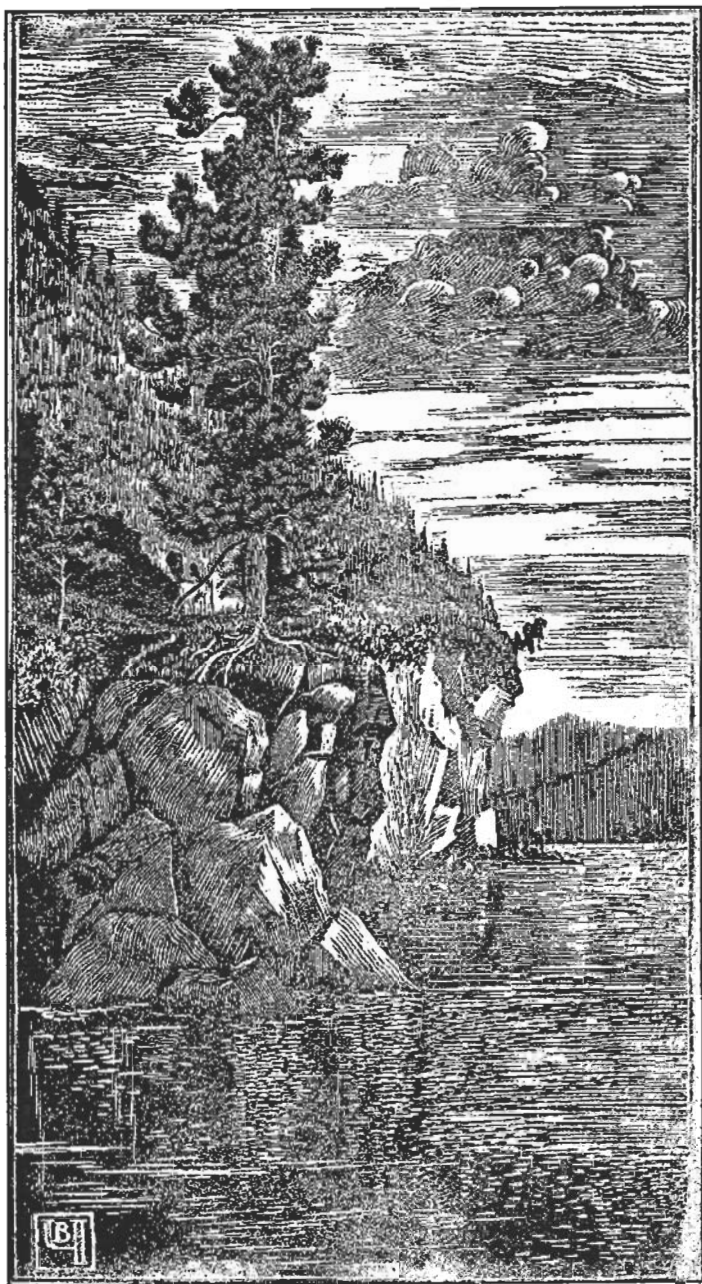
Те скалы отражены в нескольких его гравюрах, он писал их маслом. От тех скал, сказаний и легенд о них, скорее всего и началось его увлечение шорским фольклором. Он собирал сказания, легенды, пословицы и

поговорки своего народа, сочинял песни и писал на них музыку, сам же исполнял свои сочинения.

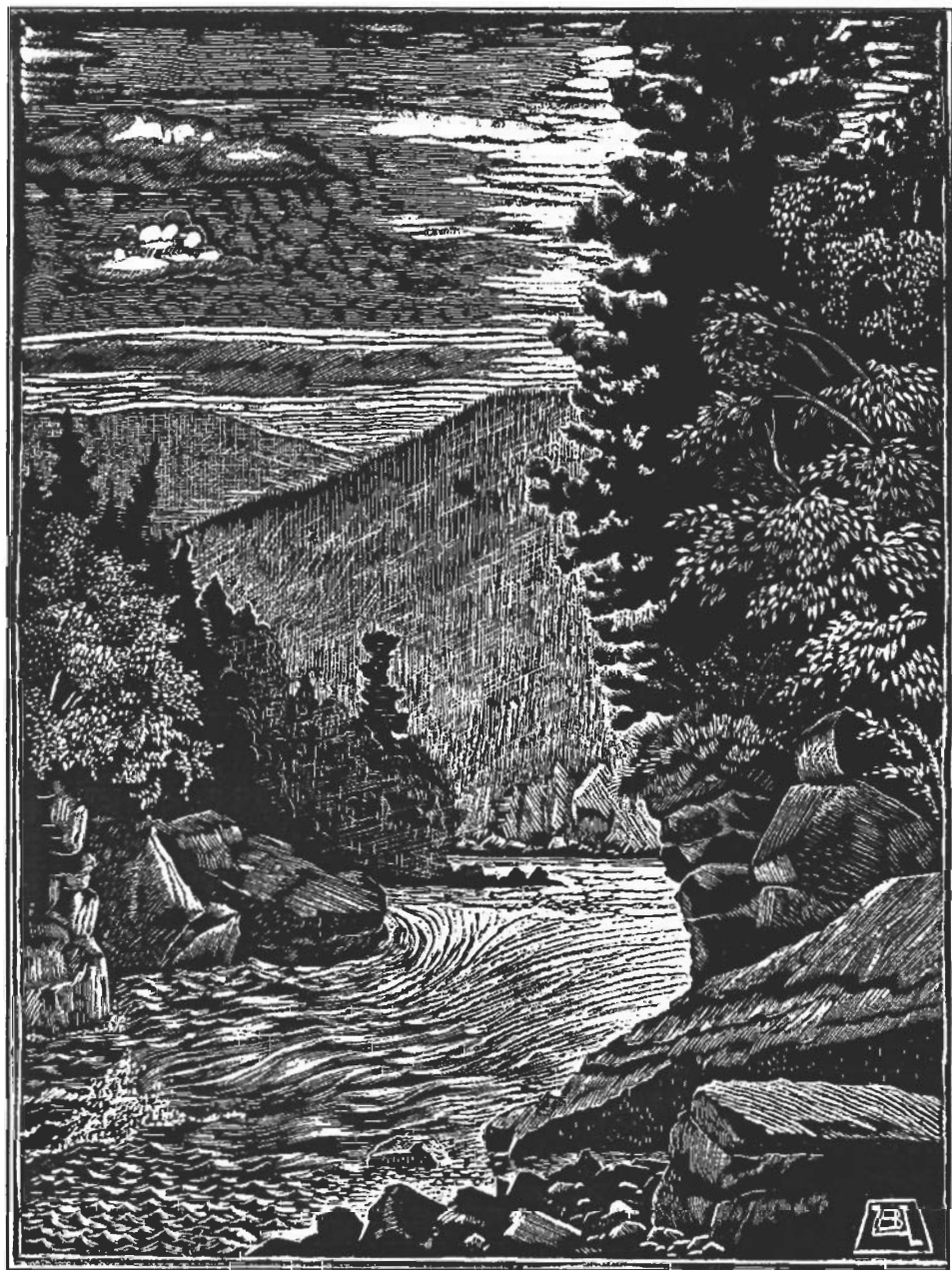
Свои песни на родном ему языке он любил исполнять именно на тех скалах, которые когда-то назывались Шаманьими. Теперь-то это название, наверняка, забыто земляками Василия Лазаревича. Молодежь вряд ли сегодня знает о том. Не появилось и нового названия. Скалы, как скалы, каких не счесть числа по берегам наших рек. Редко кто пристаёт к тем скалам из проплывающих речных туристов. Никто не знает и о том, что их многократно воспел замечательный человек, житель Горной Шории, шорский художник Василий Лазаревич Чульжанов.

Творческое наследие Чульжанова – уникальный пласт истории и культуры не только аборигенов Горной Шории, но и других его жителей. Хорошо сохранившийся архив художника еще ждет внимательного, вдумчивого исследователя.

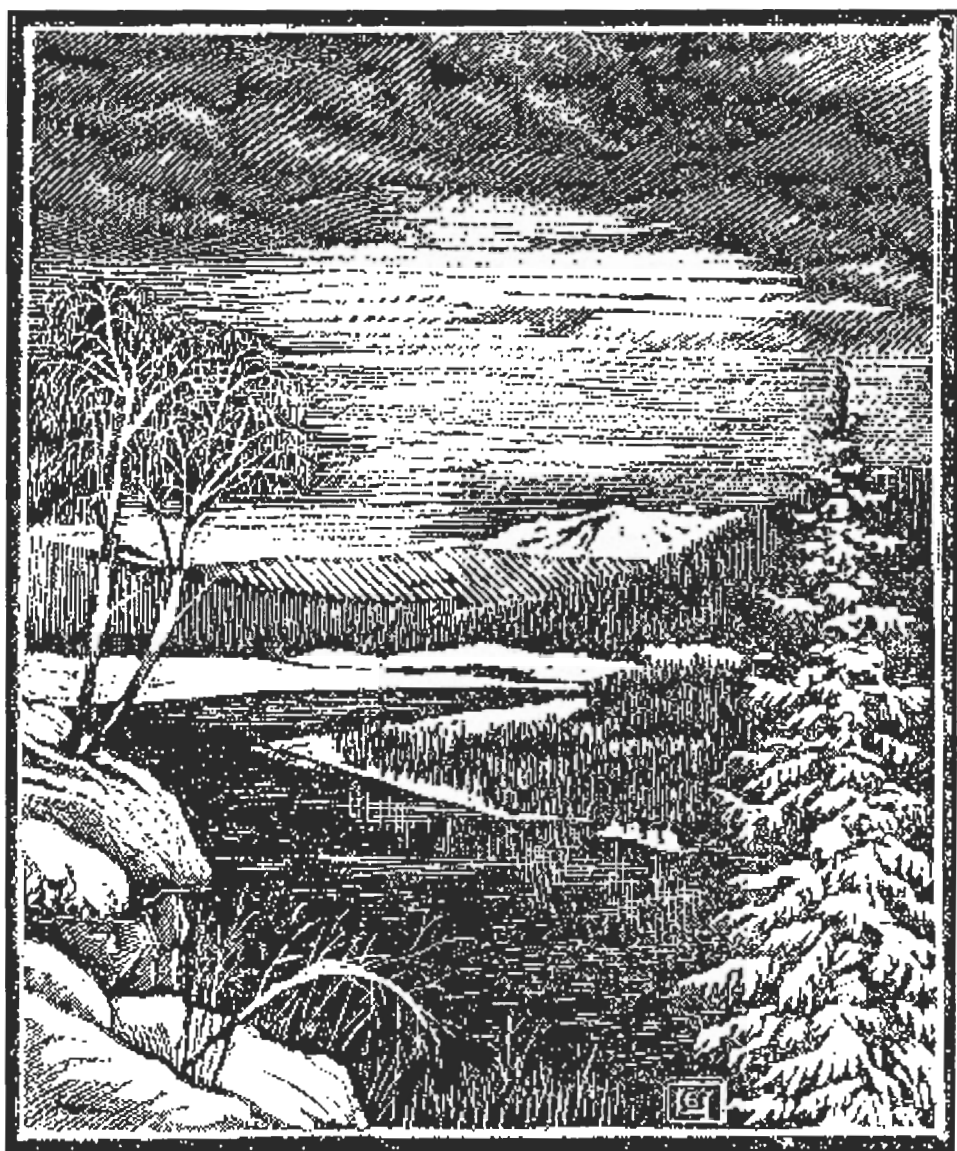
*Юрий Панов,
писатель.*

Литографора "Борьба за жизнь"

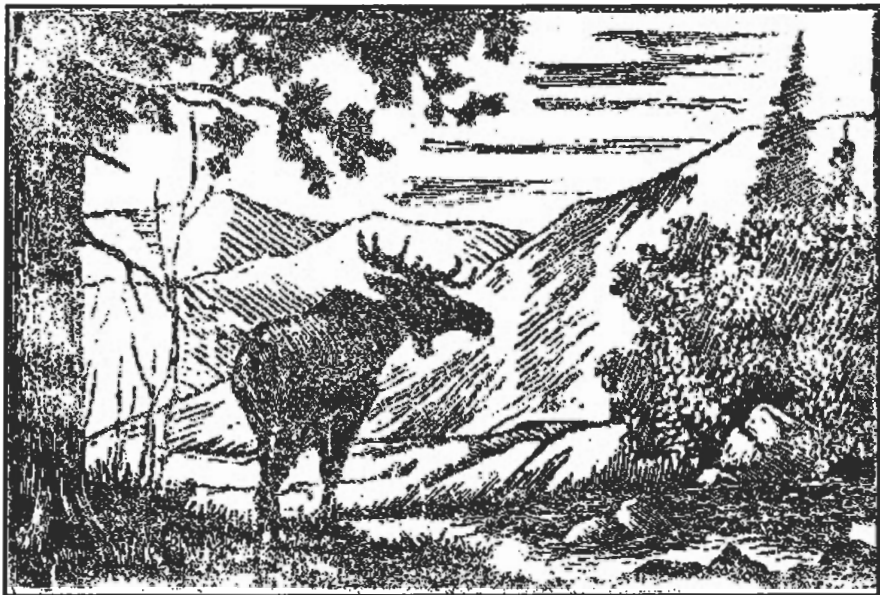
Литография "Хомутовские пороги"

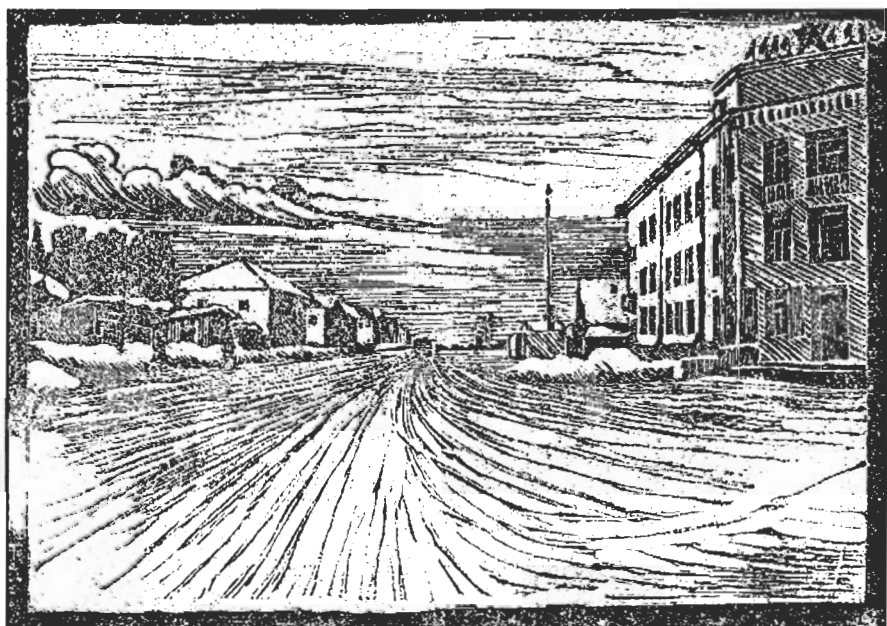
Линогравюра "Томь"

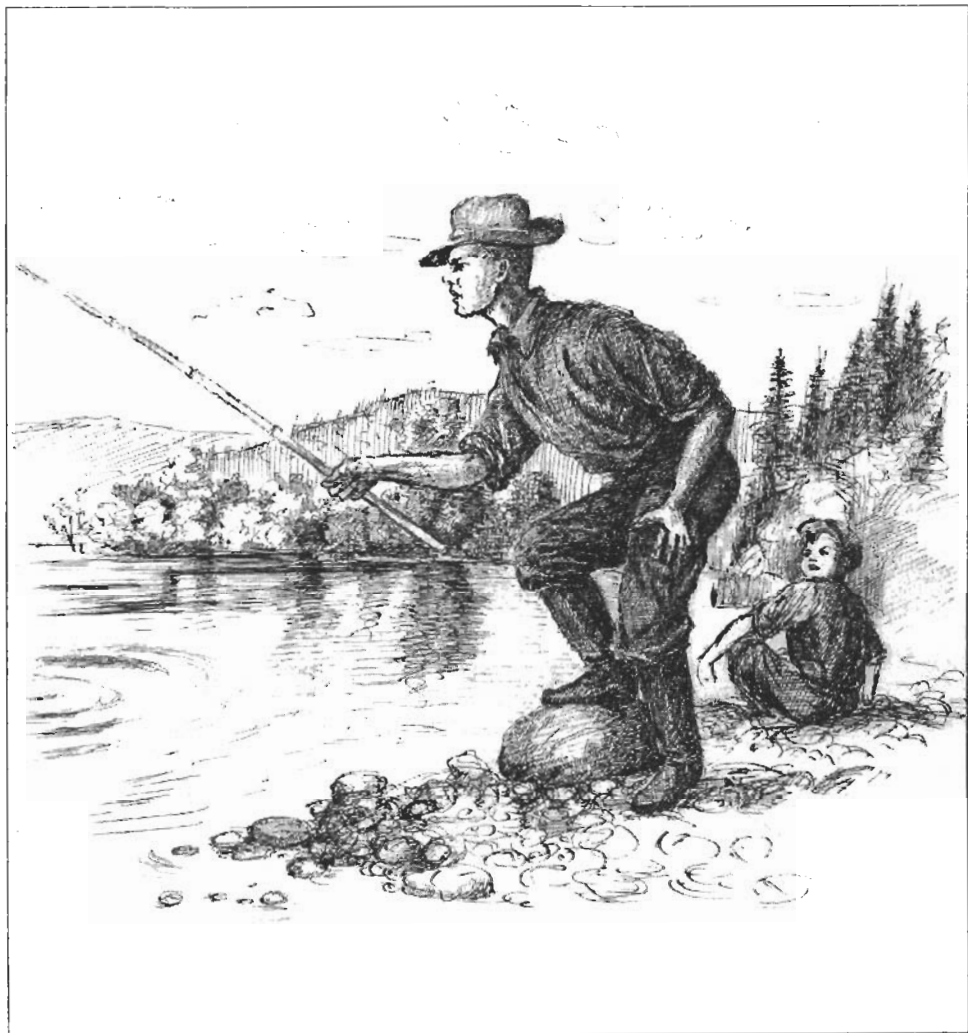
Линогравюра "Охотник"

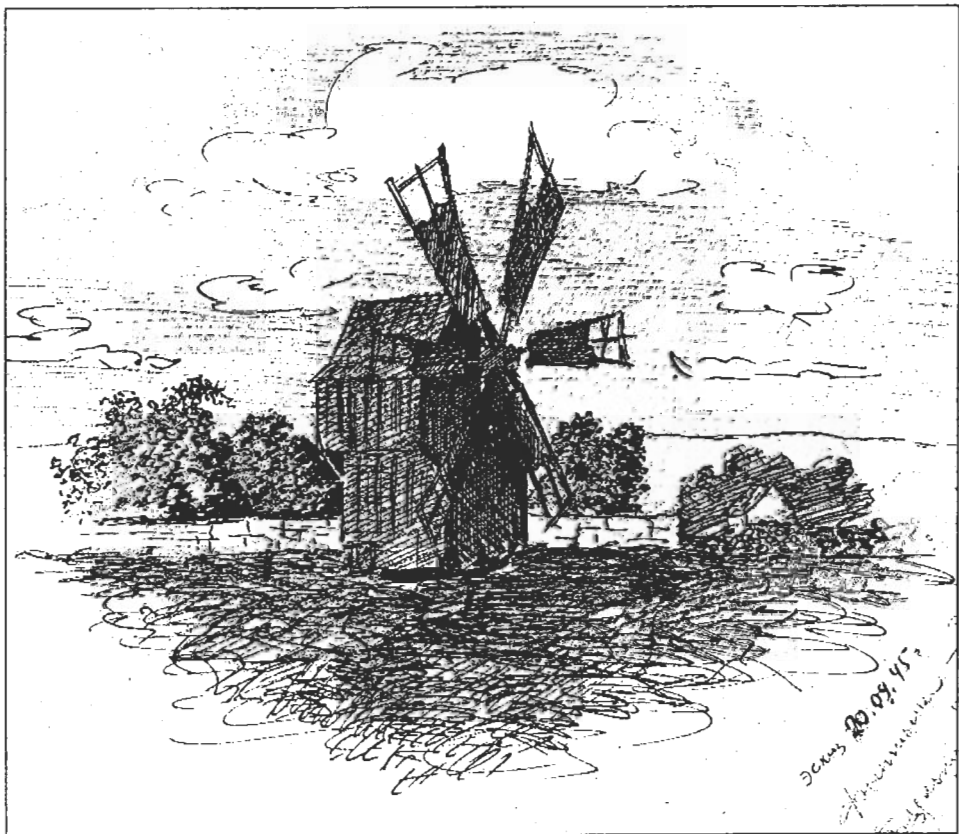
Линогравюра "Лось"

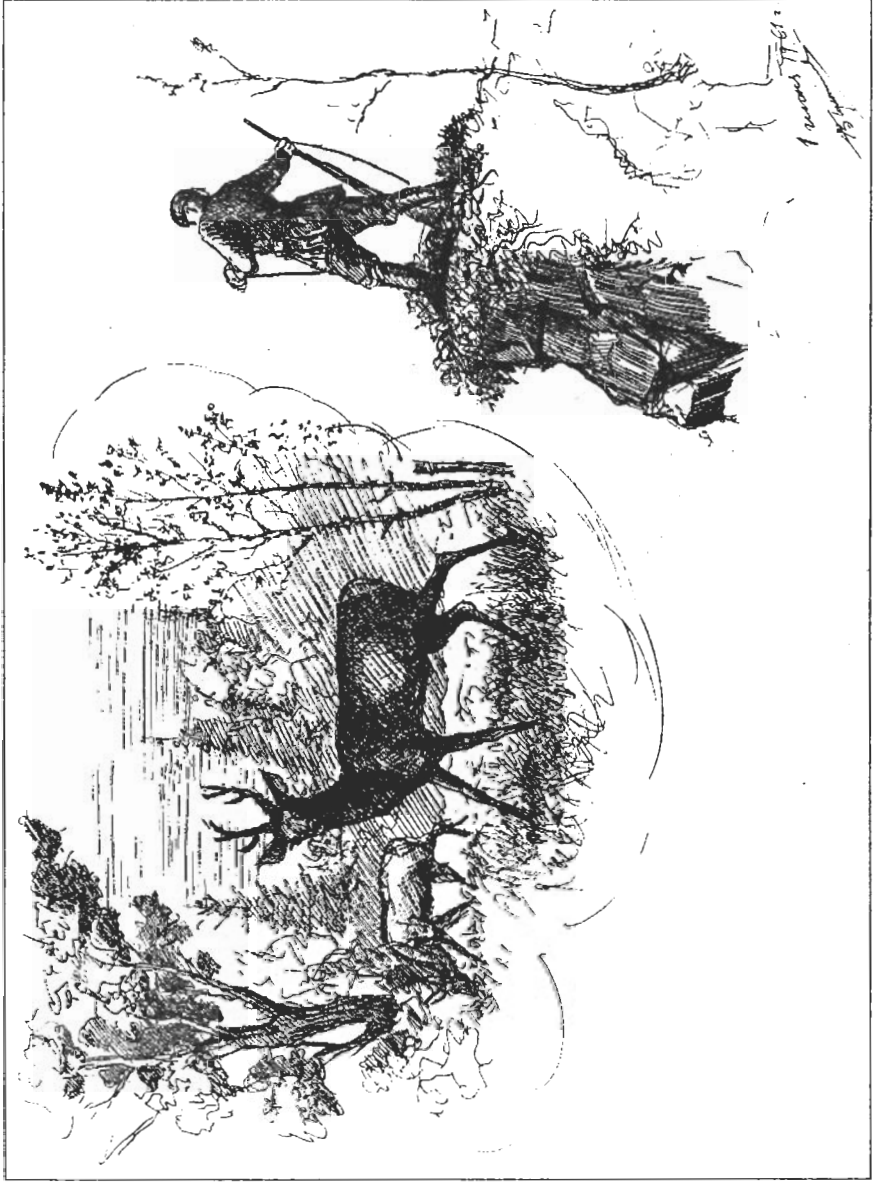
Линогравюра "Мыски. Улица Советская. 1953 год"

“На рыбалке” Тушъ, перо.

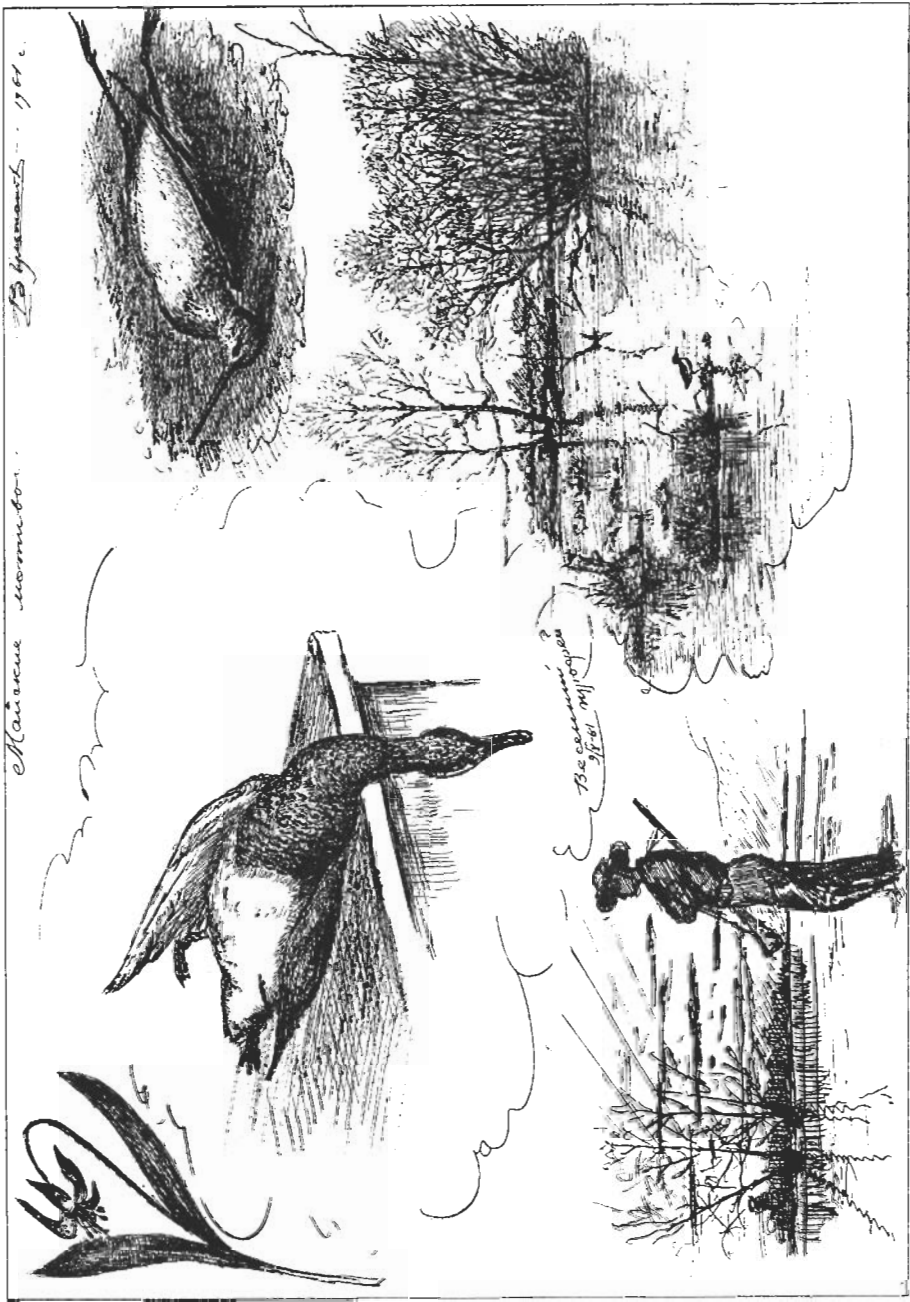
“Мельница” Тушь, перо.

“Охотничьи зарисовки” Тушь, перо.

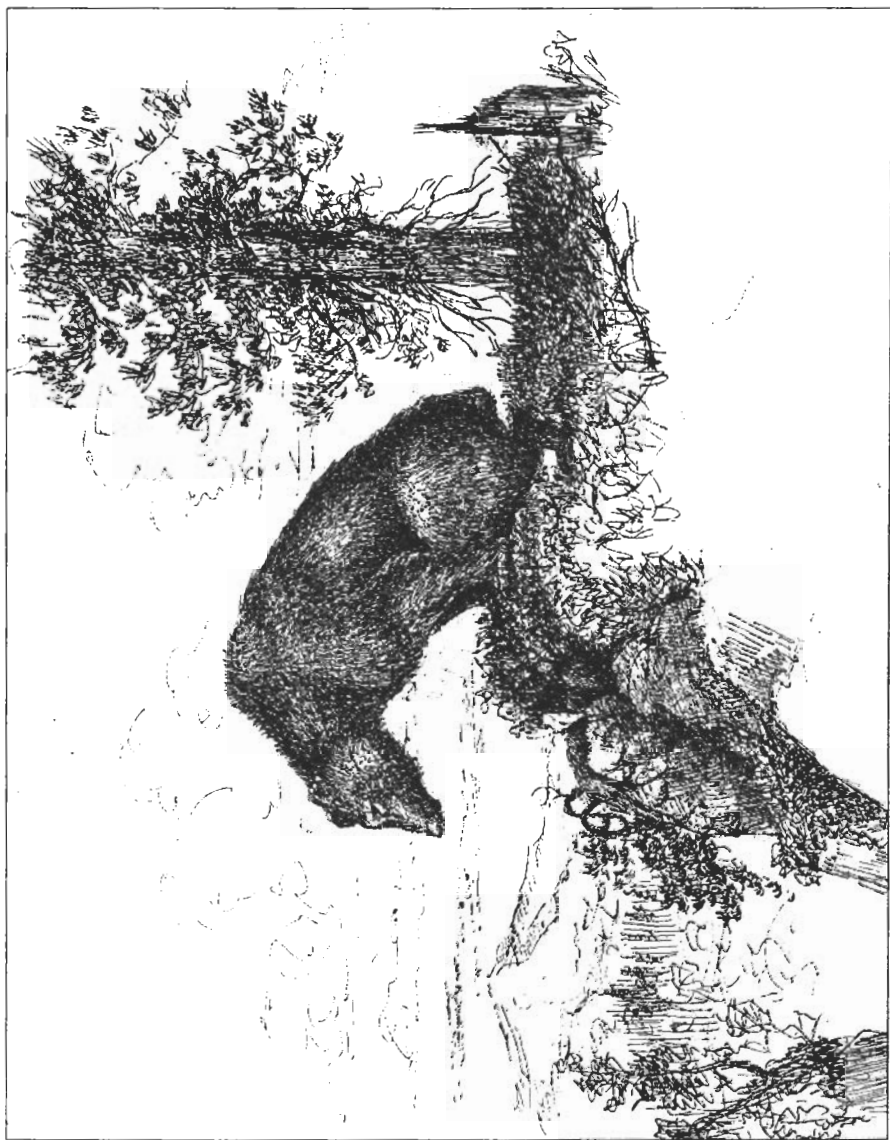
Майские мотивы.

В. Гусманов. 1911 г.

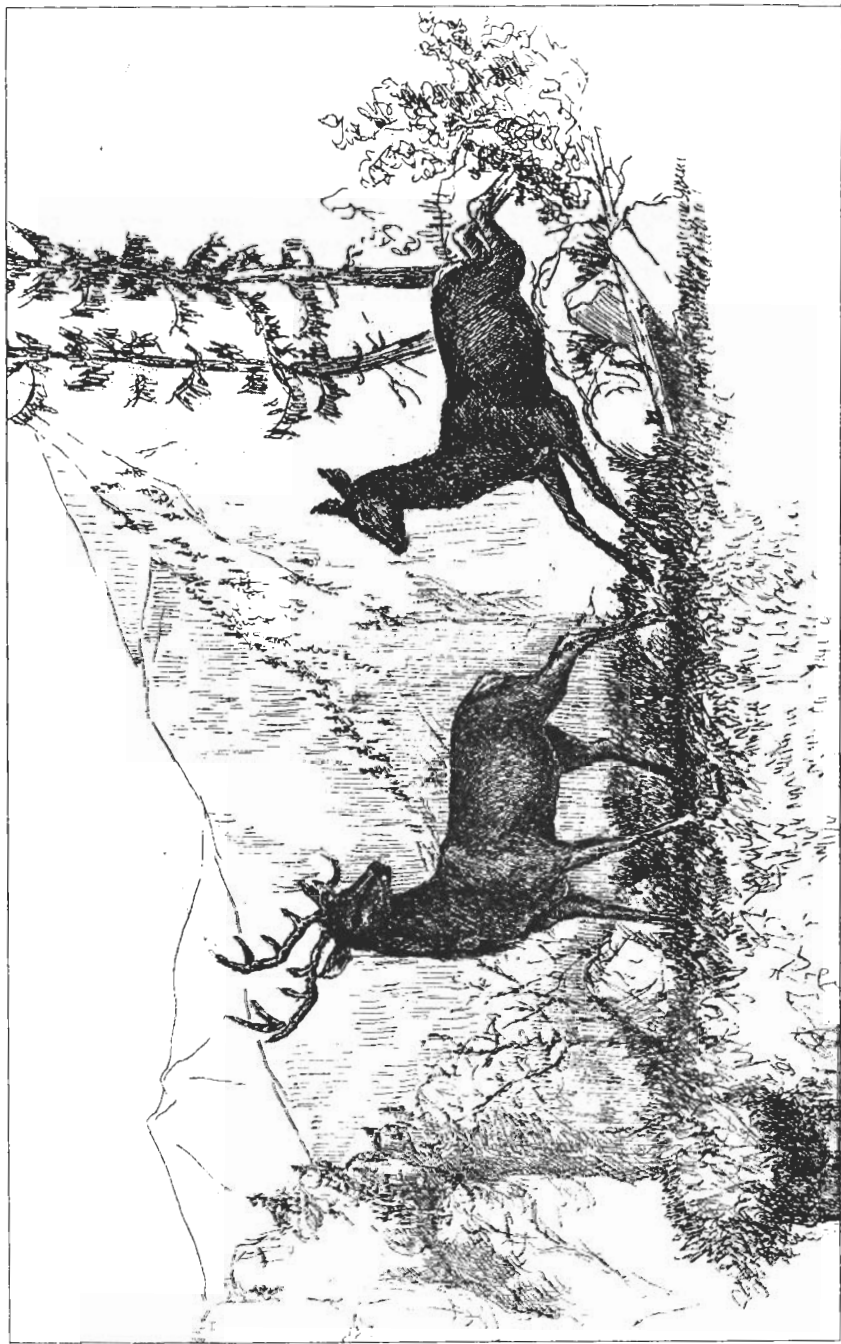

Всё слышно
3/11-11

“Майские мотивы” Тушь, перо.

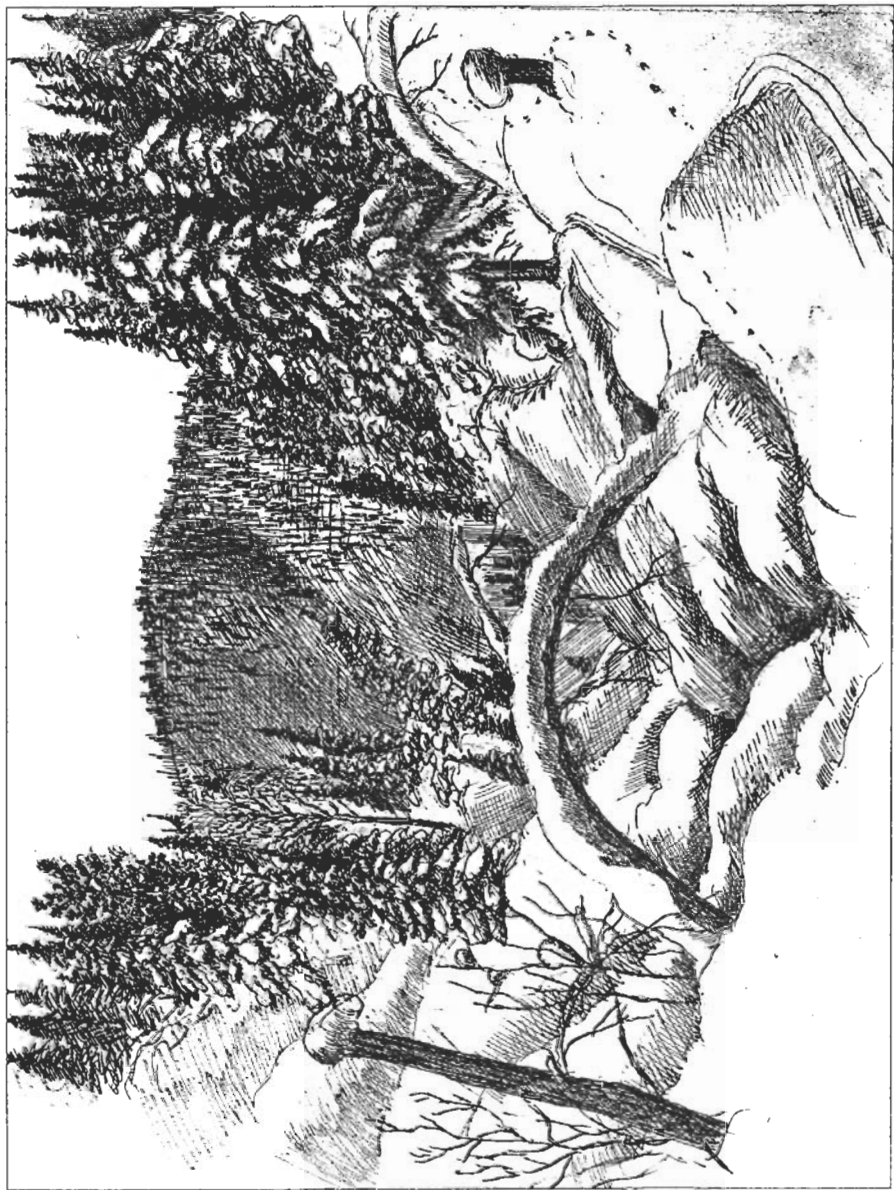
«Любозытный» Туш, перо.

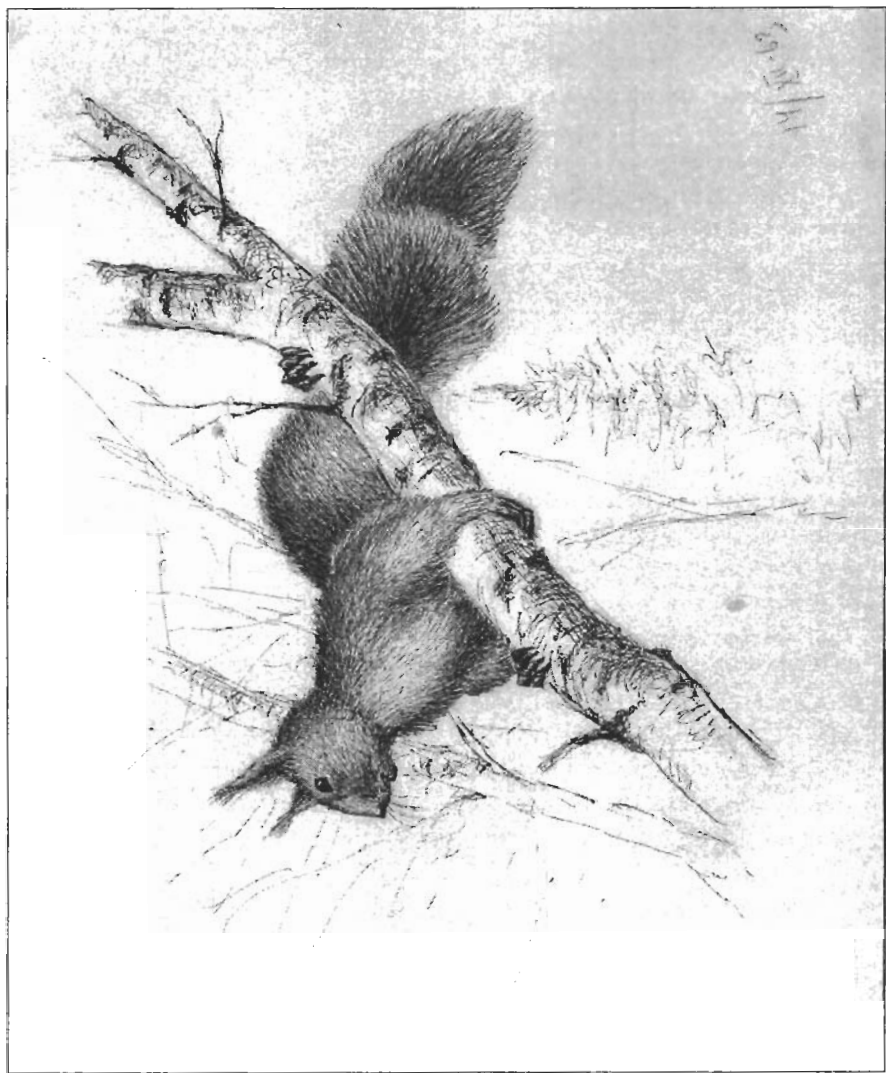
“Тяжелая судьба” Гушь, перо.

“Зима в тайге” Туш, перо.

“Солнечный день” Тушь, перо.

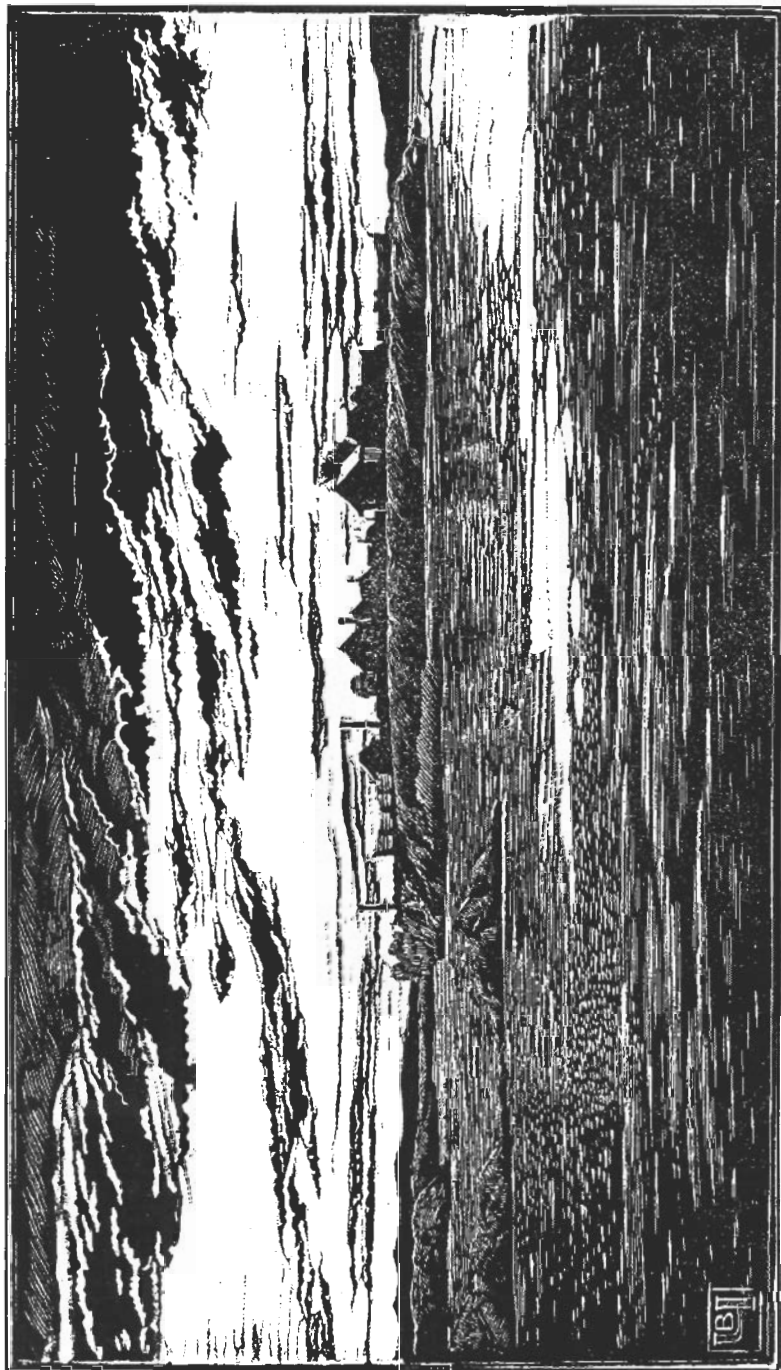

“Белка” Тушь, перо.

Линогравюра «Утро»

Линогравюра "Половодье. Акколь"

Л

**Василий Лазаревич
ЧУЛЬЖАНОВ**

Автор текста Ю.П. Панов
Редактор К.Н. Бобин
Художественный редактор В.А. Елесин

652840, Россия, Кемеровская обл.,
г. Мыски, ул. Вахрушева, 26^б, МИД

© 2000 год

2